

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

ДОМ

РАССКАЗ

В самом конце рабочего дня на мобильник позвонила мать.

— Отца увезли в областную больницу, — с рыданием сообщила она. — Как бы не инфаркт. Ты съезди к нему, сынок, мало ли что там...

В первый момент Вадим растерялся, не зная, как реагировать на такое известие, затем ощутил панику и стал лихорадочно соображать.

Коллега и приятель Кулагин, игравший на компьютере в пасьянс, лукаво покосился через плечо.

— Подруга?

— Батя в областной. Сердце. — Вадим тяжело вздохнул, ощутив внезапную усталость. — Придётся взять у шефа пару дней за свой счёт. Съезжу к матери в деревню. Может, чем надо помочь...

Кулагин изобразил на лице понимание и сочувствие, покивал.

— Конечно, возьми, старик. Только не забудь, что в пятницу корпоратив в “Вавилоне”. Сам знаешь, мероприятие ответственное. — Он поднял вверх указательный палец. — Важные дяди будут, могут заметить. Нельзя такую возможность упускать. Специалисты везде нужны.

— Да, нужны. — Вадим подпёр руками подбородок и рассеянно смотрел на разбросанные по экрану монитора ярлычки программ и нужных файлов.

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился в 1972 году в городе Артёмовске Донецкой области. Окончил Сибирскую государственную геодезическую академию. Прослужил 15 лет в уголовно-исполнительной системе, капитан внутренней службы в отставке. Публиковался в журналах: “Наши современники”, “Роман-журнал XXI век”, “Подъём” (Воронеж), “Звонница” (Белгород) и других. Автор сборника прозы “Продавец книг”. Живёт в Белгороде.

В компании он был на хорошем счету за исполнительность и “умение работать с клиентами” и всеми силами старался поддерживать модный нынче имидж делового человека. Внешний вид, поведение и привычки являлись необходимыми атрибутами продвижения по служебной лестнице, и Вадим хотел во всём походить на людей нового времени — успешных и уверенных в завтрашнем дне. Они постоянно улыбались и говорили о дорогих покупках, приходили даже в кафе с маленькими “ноутбуками” и стучали по клавиатуре, делая умные лица, пили только коньяк или виски, брезгливо морщась при слове “водка”. Даже сам президент уважительно называл их “бизнес-элитой общества, способной повести за собой всю страну”.

Конечно, терять зарплату за два дня было нежелательно, да ничего не поделаешь — отец есть отец. Но смущало ещё одно обстоятельство — вечером срывалось свидание с Полиной, которая и так уже дулась на него за постоянную занятость и редкие встречи. Опять не избежать упреков...

— Никогда вроде на сердце не жаловался, — припомнил Вадим.

— Ну, это дело такое... Молодые — и то помирают, а твоему батю сколько?

— Пятьдесят девять уже.

— Вот-вот. — Кулагин покрутился вместе с креслом. — Опасный возраст.

Вадим выключил свой компьютер и убрал в стол бумаги и томик Паоло Коэльо, которого почитывал в свободные минуты. Правда, писатель этот за душу ничем его не брал, но когда все вокруг о нём говорили и спорили, как-то неловко было ничего о нём не знать.

— Не забудь врачу на лапу дать, — подсказал приятель. — У них тогда другое отношение к больному.

— Значит, придётся дать...

Коммерческий директор компании Валерий Сытник был типичным представителем “среднего класса”. Он всегда одевался элегантно, ездил на автомобилях не дешевле миллиона, меняя их каждые два-три года, носил золотые часы марки *Raymond Weil* и ботинки от Карло Пазолини. В свои пятьдесят Сытник выглядел не старше сорока и пользовался успехом у женщин. Все знали, что он не курит, редко выпивает и регулярно посещает бассейн и спортзал. Вместе со своим другом он и создал эту компанию по продаже и ремонту компьютерной и офисной техники.

Кулагин, как и большинство сотрудников, восхищался шефом и ставил его в пример другим, когда речь заходила об умении жить.

Выслушав Вадима, директор с минуту хмуро барабанил пальцами по стеклянной крышке стола, затем согласно кивнул.

— Хорошо, бери два дня, если такое дело. Отец... А где, говоришь, дом находится?

— В Ивановке. Это около двадцати километров от города.

— Ивановка, Ивановка... — призадумался Сытник. — Извини, не слышал. Что за деревня?

— Деревня как деревня, — пожал плечами Вадим. — Раньше там колхоз был, причём вполне такой...

— Да, раньше много чего было. — Сытник скорчил кислую мину, как будто жалея об ушедшем. — А я себе тоже дом купил. В Сосновом. Там лес кругом, свежий воздух... Хорошо...

Вадим слышал об этом посёлке, недавно возникшем в пригороде. Дома там стоили кучу денег.

— Так что — дерзай, и ты купишь. — Сытник ухмыльнулся и взглянул на часы. — Ну, всё, мне некогда. Как говорится, время — деньги...

Буквально за каких-то десять лет город изменился до неузнаваемости, сильно разросся: расширили его улицы, сменили разбитый асфальт тротуаров на цветную плитку. Всюду, словно грибы после дождя, вырастали красивые, не похожие друг на друга здания из металла, стекла и пластика: банки, офисы влиятельных компаний, торговые и развлекательные центры, жилые дома с престижными квартирами. А вечером и ночью город теперь сиял рекламой, подсветкой витражей магазинов и крыш, вызывая ощущение

постоянного праздника. Он как будто дразнил показной, слепящей роскошью, как бы намекая на то, что всё это вполне может быть ТВОИМ.

“Ты только не ленись и стань успешным!..”

Вадим нисколько не сомневался в том, что будущее именно за городами — большими и уютными, способными очеловечить своих жителей. Как-то четыре года назад ему довелось побывать в Москве, и впечатлений хватило надолго. Столица поразила его громадами высоток, современной пышностью облика и неустанно спешащими по улицам и в метро массами людей. Всё вокруг двигалось, всё куда-то стремилось, словно гигантский, однажды взведённый механизм. В этом было даже что-то неестественное и пугающее, но одновременно и мистически притягательное. “Словно большой человеческий муравейник”, — возникло у него тогда смутное ощущение.

Здесь же, в областном центре, масштабы, конечно, были не те, да и жизнь протекала спокойней и размеренней. И всё же родной город Вадим любил. Было заметно, что губернатор не жалеет денег на развитие территорий, заботясь о своих горожанах и особенно о юном поколении. Местная молодёжь не отставала от столичной в развлечениях и разнообразии интересов. Для этого у неё имелось всё: ночные клубы и салоны, танц-бары и залы для игры в боулинг, новейший Дворец спорта и даже “Центр молодёжных инициатив”. Оставаться в стороне от всех этих “радостей жизни” Вадим просто не мог, чтобы “не оказаться на обочине”. Он прекрасно понимал, что другому нельзя. Так надо!..

В ночном клубе он и познакомился с Полиной. Поначалу отнёсся к этому как к очередной короткой интрижке, но их беспечное знакомство затянулось на целых полгода. Как-то незаметно для себя он привык к Полине и всё чаще о ней думал. Между ними было почти двенадцать лет разницы, и молодость привлекательной девушки, конечно же, играла тут не последнюю роль, но не только. Вадиму нравилось слушать её сладкие речи.

“Мне нравятся мужчины твоего возраста, потому что у вас есть опыт... Я знаю, ты обязательно станешь известным бизнесменом, а я — твоей любимой женой... Купим виллу где-нибудь на Багамах или Мальдивах, подальше от этого *совка*... Боже мой, ты даже не представляешь, как я этого хочу...”

Кулагин, большой знаток женщин, оценивал Полину “на пять баллов”.

— Реальная подруга, — высказал как-то он своё *компетентное* мнение. — Знает, чего хочет...

Она никогда не говорила о любви и ничего не требовала, но буквально во всём ощущался её настырный натиск. Полина явно планомерно вторглась в холостяцкую жизнь Вадима, и чем глубже было это вторжение, тем большую тревогу это у него вызывало. Что-то было не так в их отношениях, что-то определённо не ладилось. Всё отчётливей обозначались нестыковки характеров и взглядов на те или иные вещи. Всё-таки она принадлежала другому поколению, которое выросло совсем в другой стране...

В регистратуре корпуса кардиологии молоденькая медсестра подтвердила, что пациент по фамилии Нефёдов к ним поступил, назвала номер палаты. Надев полиэтиленовые голубые бахилы, Вадим словно пересёк невидимый барьер и оказался в ином мире — мире белых палат и медицинского оборудования, запахов лекарств и грустных лиц больничных обитателей, которых объединяет одно слово — болезнь. Он и сам когда-то в детстве несколько раз становился обитателем этого мира, но в памяти с той поры мало что сохранилось. Запомнились только болезненные ночные уколы и жуткие стальные щипцы, которыми в пятилетнем возрасте ему вырывали гланды. Была ещё злая медсестра детского отделения, которую все дети боялись, потому что она могла запросто отшлёпать малыша или сказать что-нибудь обидное...

Палата была уютной и достаточно просторной. Кроме отца, в ней обрелись два старика и худой, измождённый мужик неопределённого возраста. Ещё две койки пустовали. Отец лежал под капельницей и отрешённо смотрел в потолок. Выглядел он бледнее, чем обычно, да ещё, кажется, прибавилось седины в волосах.

— Привет, батя. — Вадим подошёл к койке.

Отец едва заметно кивнул, и взгляд его немного повеселел.

— Как ты?

— Болит, зараза... — Отец говорил тихо и с трудом, часто сглатывая, словно что-то мешало в горле. — Но уже меньше... Ничего, я крепкий...

Вадим положил на стоявшую рядом тумбочку пакет с фруктами, которые купил по пути в больницу.

— Здесь апельсины и бананы. Поешь потом, говорят, для сердца полезно.

— Да, подвело... Ещё легко отделался... — Отец попытался улыбнуться, но скривился и застонал.

— Ладно, отдыхай. Я к матери, а завтра опять заеду. Может, что привезти?

— Книжку... из моих... а то тоска здесь...

— Хорошо. — Вадим взял отца за руку. — Ты давай, батя, держись.

— Ничего, я живучий...

Выйдя из палаты, Вадим пошёл искать ординаторскую. Почти в самом конце коридора он обнаружил дверь с нужной табличкой и, постучав, решительно открыл её и вошёл.

В кабинете находился мужчина лет сорока, в зелёной робе врача. Он сидел за столом и что-то быстро печатал на компьютере.

— Здравствуйте. — Вадим растерялся, не зная, как подступиться к разговору про взятку. — Мне нужен доктор.

— Ну, я доктор. — Мужчина строго взглянул на него. — Слушаю вас.

Вадим закрыл за собой дверь.

— У меня отец здесь... в двадцать восьмой. Сегодня поступил. Нефёдов.

— А, тот, что с инфарктом?

— Ну, да, он. — Вадим слотнул, ощутив сухость в горле. — У него... это опасно?

— Не волнуйтесь, инфаркт лёгкий, операция не потребуется. Через неделю-другую выпишем. — Врач продолжал печатать.

— А его не вы будете лечить?

— Ещё не знаю, утром заведующая решит.

— А, может... что нужно? — Вадим сунул руку в карман куртки, где лежали деньги, и посмотрел многозначительно.

— В смысле? — Доктор нахмурился и несколько секунд разглядывал его, затем задумчиво побарабанил пальцами по крышке стола, словно принимая какое-то решение. — Давайте сделаем так. Я вам сейчас напишу, что нужно купить. Лекарства, одноразовые шприцы... Сами понимаете, всего не хватает, финансируют нас плохо... — Он оторвал от настольного перекидного календаря лист и что-то написал на нём. — Здесь только самое необходимое.

Вадим подошёл к столу и взял листок со списком.

— А дальше уж поговорите с лечащим врачом. Всего вам доброго...

Вадим сел в машину и закурил, но, сделав несколько затяжек, нервно погасил сигарету. Неожиданно ему стало страшно от мысли, что отец может умереть. Почему-то он никогда об этом не задумывался, вечно голова была забита, как ему казалось, главным — карабкаться вверх. Всё время вверх! Поскорее выбраться из ямы будничной серости, вечной нехватки денег! Быстрее вынырнуть на поверхность из омута, в котором обитают неудачники.

Вадим упорно карабкался, выбирался, выныривал. Вроде бы что-то у него получалось, но как-то очень уж медленно и далеко не всё из того, что хотелось бы. Но кое-чем он всё же мог похвастаться: своя однокомнатная квартира, купленная, правда, не без помощи родителей, “Рено”, за который ещё не выплачен кредит, работа в престижной фирме, полезные связи с успешными людьми...

Сейчас всё это казалось мелким и каким-то ненастоящим. “Зачем? К чему все эти устремления, когда в один момент можешь лишиться близкого человека... отца или матери. И что потом? Разве могут их заменить какие-то Кулагины или Сытники?..”

Он растерянно прислушивался к своим ощущениям. Это было как-то непривычно. В душе словно щёлкнул невидимый переключатель...

Особого желания говорить с Полиной он не испытывал, но поехал к ней. В любом случае, он должен был увидеть её и сказать, что вечерняя встреча не состоится.

Машина влилась в ревуций, сигналивший и визжащий тормозами поток на проспекте Богдана Хмельницкого. Со всех сторон теперь Вадима окружали железные коробки. Много разных по форме и цвету железных коробок. В них сидели похожие на людей гипсовые манекены, которые куда-то спешили, обгоняя друг друга, норовя любым способом оказаться впереди остальных.

“Рабы своих автомобилей. Сидим в них, как джинны в лампах”, — неприязненно подумал он.

От неожиданно пришедшего на ум сравнения Вадиму стало смешно. Но пока он добрался до конечной цели своего путешествия, настроение вновь упало: дважды едва не попал в аварию, и каждый раз по вине “джиннов-лихачей”, сидящих в своих дорогах “лампам”.

С трудом припарковался на стоянке возле трёхэтажного здания “Кредит-Банка”, где Полина работала оператором. Здание было старым, но пару лет назад его отремонтировала некая коммерческая структура и открыла в нём банк, набрав в штат шуструю, как стало модно говорить, “креативную” молодёжь. Для девушки же не последнюю роль здесь играла внешность. Впрочем, молодые и привлекательные женщины были всюду востребованы, имея приоритет даже перед более опытными специалистами...

В банк Вадим заходить не стал и вызвал Полину по мобильнику. Через минуту она выбежала, одетая в униформу: белая блуза, синяя юбочка и такая же синяя жилетка-безрукавка с обязательным *бейджи*ком на груди. Свои роскошные тёмные волосы девушка собрала в пучок на затылке, словно демонстрируя всем аккуратные ушки, украшенные золотыми серёжками.

Залюбовавшись, он чуть не забыл открыть дверь и поспешно нажал на ручку. Полина юркнула в машину, наполнив её благоуханием жасмина.

— Привет, милый. — Она поцеловала Вадима в щёку — скорее так, как сестра целует любимого брата. — Что-то случилось?

Видно, женское сердце почувствовало неладное.

— Батя в областной с сердцем, — коротко ответил он. — Я должен съездить к матери. Вдруг надо помочь...

Нахмурившись, Полина достала из бокового кармана жилетки розовую пачку тонких сигарет, но так и не открыв её, спрятала обратно.

— Езжай, конечно. — Она задумчиво смотрела перед собой.

— Не обижайся. — Вадим попытался её обнять, но Полина отстранилась.

— Я уже давно не обижаюсь. Привыкла. — Это прозвучало с укором.

— Извини. — Вадим крепко сжал руками руль.

— Ладно, проехали...

С минуту оба молчали.

— Как работа? — попытался он сменить тему.

— Если бы ты знал, как они все мне надоели. — Полина сжала губы. — Каждый хочет меньше работать и больше получать, и все постоянно друг о друге сплетничают. Иногда так хочется кого-нибудь послать подальше...

— А ты пошли. — Вадим криво усмехнулся.

— Наверное, так и сделаю. — Она распустила волосы и, тряхнув головой, разметала их по плечам и спине. — Ну, ладно, дорогой, вернёшься в город — позвони.

— Обязательно. — Вадим хотел поцеловать её в губы, но девушка быстро, с мстительной усмешкой, подставила ему щёчку.

Полина вышла из машины и зацокала каблукками по тротуарной плитке, сильнее обычного покачивая бёдрами, видимо, на прощанье решив немного подразнить его. Вадим с сожалением проводил её взглядом до самых дверей банка и с раздражением включил зажигание.

По дороге в деревню он заехал в гипермаркет прикупить продуктов...

Вадим вышел на крыльцо и радостно вдохнул свежую прохладу майского утра. Сладко потянулся и спустился по скрипучим ступенькам на асфальтовую дорожку, ведущую в сад. Прошёлся по двору, разглядывая с разных сторон дом, который, несмотря на свои четыре десятка лет, выглядел ещё

вполне моложаво. Стены Вадим сам помогал отцу белить в позапрошлом году, и они смотрелись ещё довольно свежо. Правда, оконные рамы и ставни немного перекосились, но не настолько, чтобы их нужно было менять. А вот крышу уже пора было подлатать — черепица местами сдвинулась и прохудилась.

Подбежали Трезор и Найда, добродушные и верные дворняги. Они принялись вертеться вокруг Вадима, виляя хвостами и выпрашивая угощение и ласку. На их собачьих мордах, как обычно, играли настоящие улыбки.

— Ну, что, друзья человека? — Он присел на корточки и стал трепать дворняг по загривкам.

Собаки легонько покусывали и отталкивали друг друга, словно спорили, кто из них более предан хозяину и более достоин его похвалы.

За домом раздалось громкое кудахтанье — там мать кормила кур толчёной картошкой. Она поднялась, как всегда, до рассвета, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить сына. И всё же сквозь сон Вадим слышал шаги матери и позвякивание посуды в кухне...

Он подошёл к висевшему на деревянном столбе рукомойнику и, крикая от удовольствия, умылся холодной колодезной водой. Затем стянул с себя через голову тёплую байковую рубаху и поплескал на плечи и грудь. Повеселел, ощутив прилив бодрости, и только сейчас заметил, как пышно расцвёл этой весной их вишнёвый сад, обещая добрый урожай. Там уже всюду трудились пчёлы, собирая пыльцу для первого — майского — мёда, который можно будет снимать с рамок лишь к концу июня, не раньше.

Вадим прошёл по дорожке туда, где между вишнями стояли на железных подставках ульи. Их на отцовской пасеке было около трёх десятков — сбитые из досок, с подвижными металлическими ручками по бокам. Каждую осень с первыми морозами их нужно было заносить в тёплый зимник, причём очень осторожно, чтобы потревоженные пчёлы не вылезли из них и не погибли. Весной, с первым теплом, ульи выносились обратно.

Вадим минут пять наблюдал за пчёлами, деловито садящимися на летки и улетающими за взятком, вспоминая, как помогал отцу доставать рамки с сотами и снимать мёд. Отец обычно обходился без защитной сетки, и пчёлы его, как ни странно, не жалили его, а вот Вадиму всегда доставалось за двоих.

— Чужой ты для них, — говорил отец, смеясь. — От тебя городом пахнет, а пчёлы этот запах не любят. А ещё они чувствуют, когда человек к ним с добром и любовью относится. Они ведь не глупей нас с тобой, хотя и крохи.

Вадим и сам чувствовал, что давно отвык от деревенской жизни, и родная Ивановка превратилась для него в заповедный мир детства, обратная дорога в который заросла бурьяном отчуждения...

Он вернулся к дому и застал у крыльца мать с пустой миской в руках. Тут же вертелась собака, выпрашивая еду.

— Выспался? — Взгляд матери светился нежностью и заботой.

— Отлично выспался, мам. Помочь не надо?

— Воды набери, сынок. Ведро три. А я пока завтрак соберу. Да ещё этим пройдам надо каши дать.

Мать ушла в дом, а собаки уселись перед крыльцом, с ожиданием глядя на дверь...

Колодец во дворе был пробурён лет семь назад вместо старого, деревянного и уже порядком обрушившегося, который рыли вручную, когда родители Вадима только обосновались в Ивановке и получили от колхоза этот дом. Ствол нового колодца был сделан из железобетонных колец, верхнее из которых на полметра выступало над землёй, и его приходилось закрывать, чтобы туда не свалилась домашняя живность.

Сняв крышку, Вадим сбросил в колодец ведро, привязанное металлической цепью к вороту, и, немного выждав, стал крутить ручку, наматывая цепь обратно на ворот. Воду он перелил в прихваченную с собой сорокалитровую алюминиевую флягу, затем ещё дважды поднимал ведёрко из колодца. Закрыв колодец, присел на его деревянную опалубку перекурить.

Утреннее солнце, поднимаясь, набирало силу, всё ярче озаряя крыши соседних домов. По этим крышам легко угадывалось, как живут хозяева. Вадим с грустью подметил, что большинство крыш выглядит неухоженно и ветхо. Да и вся Ивановка походила на забытую детьми одинокою старушку, у которой пенсии хватает лишь на скудную пищу. Деревня, некогда справная и бурлящая жизнью, теперь постепенно приходила в упадок. После того как развалился колхоз, местные, кто помоложе, потянулись в город в поисках работы и лучшей доли, а здесь оставались в основном старики да старухи, доживающие свой век. Вот и родители не хотели отсюда уезжать, держались за свои “десять соток”.

Вадим вспомнил, как ещё пацаном лазил в колхозный сад воровать яблоки и груши. Теперь этот сад давно был заброшен, и любой желающий мог бы свободно набрать там хоть машину яблок — деревья по-прежнему каждый год плодоносили...

Докурив, он занёс флягу в дом и поставил возле старой голландки, которая уже стала почти исторической декорацией. Вообще Ивановке повезло, когда через неё ещё в советское время провели газопровод. Отец сначала приобрёл современную печку, а позже купил небольшой газовый котёл и сделал в доме отопление. Оказалось — как в воду глядел. Ведь по нынешним временам дрова и уголь стали дороги, да и достать их не так-то просто.

Вспомнив о просьбе отца, Вадим пошёл в большую комнату, где стоял выцветший от старости двухстворчатый книжный шкаф. Отец всегда любил читать и нередко упрекал Вадима за отсутствие тяги к чтению.

— Ты пойми, сынок, человек должен читать. В книге ведь много всякой мудрости. Чтобы написать её, самому надо жизнь знать...

А иной раз, если что-то в книге его сильно поражало, он ходил по дому и вслух восхищался прочитанным.

— Это ж надо, как метко сказал! В самый корень! — Отец качал головой и смеялся. — Нет, всё-таки писатели — это какой-то особенный народ. Тут годами о чём-то таком думаешь, а он — бац! — и написал, словно мысли твои прочёл...

Вадим открыл шкаф и стал выбирать, что отвезти в больницу. Он знал, что каждую из этих книг отец мог перечитывать по нескольку раз, но хотелось его порадовать самыми любимыми, такими, которые поддержат в болезни, придадут душевных сил.

— Что же ему выбрать? — Вадим читал названия и фамилии авторов и жалел сейчас о том, что не знает содержания этих книг.

Нет, конечно, что-то он изучал в школе на уроках литературы, но это было как-то вскользь, лишь бы не получить “двойку”, да и давно это было, мало что помнилось. Он думал сейчас о том, что отец в разговорах не раз ссылался на Паустовского и Распутина, да ещё, пожалуй, на Пикуля.

— Иди есть! — позвала с кухни мать.

Вадим снял с полки “Повесть о лесах” Паустовского и “Богатство” Пикуля и закрыл шкаф. Чтобы потом не забыть их, сразу положил книги в свою спортивную сумку.

На завтрак была варёная картошка с яичницей, да мать нарвала молодого зелёного лука. Вадим с аппетитом набросился на еду. Здесь, в деревне, он всегда лучше ел, лучше спал и вообще обычно чувствовал пробуждение эмоций и жажды жизни. В городе же его что-то тяготило и изматывало, как физически, так и душевно. Приезжая к родителям в Ивановку, он словно бы заряжался энергией, которую затем растрачивал в городе. Когда он однажды поделился этим с отцом, тот усмехнулся невесело.

— Это потому, — сказала отец, — что твой дом, сын, здесь, в деревне, а ты всё пытаешься от него оторваться. Вот твоя душа и мается...

Вадим тогда отнёсся к словам отца несерьёзно, а теперь вдруг понял, что, видно, так оно и есть на самом деле. Не мог он находиться в городе больше месяца безвылазно, утомлялся и впадал в уныние и необъяснимую тоску. Тянуло на деревенский простор, туда, где нет бесконечной спешки и никчёмной суеты...

— Вскопай мне пару грядочек, — попросила мать. — Не успела помидоры и перец посадить.

— Если ещё что надо сделать — говори. — Расправившись с завтраком, Вадим отодвинул в сторону пустую тарелку. — Так кто отца-то довёл? Поругался с кем?

— Да вроде не ругался. Нервный он стал последнее время. Всё бубнил что-то себе под нос... да хмурился. Пыталась я дознаться, в чём причина, так он только отмахивался, а толком ничего не говорил. Я уж и не знаю, что думать. Может, ты сам у него в больнице спросишь?

— Пусть сперва поправится. — Вадим налил себе заваренный матерью чай из смеси сушёных садовых ягод и полевых трав. — Сейчас его лучше не тревожить.

— Ну да, ну да. — Мать согласно покивала, протирая насухо полотенцем вымытую тарелку. — Сейчас не надо, потом спросим.

Вадим с удовольствием отхлебнул горячий чай — и на него пахнуло детством. Он вдруг понял, что сильно соскучился по этому “домашнему чаю”, бодрящему лучше всякого кофе.

— Там немножко совсем осталось, — словно оправдывалась мать. — Отец не докопал.

Ему сделалось стыдно. Ведь так и не приехал помочь родителям сажать картошку, хотя и обещал. Нехорошо, конечно, получилось. Замотался, не смог выбраться даже на день. Если бы не инфаркт отца, то и сейчас бы сидел в городе, который затянул его с головой в липкую трясицу погони за успехом. Выходит, в этой круговерти он забыл о чём-то важном...

Допив чай, Вадим вышел из дома вслед за матерью, прихватив стоявшую в сенцах штыковую лопату. Они прошли между засаженными грядками в конец огорода.

— Вот отсюда и до самого края, — показала мать.

— Ну, это мне на пару часов. — Поплевав на руки, как это делал всегда отец, Вадим начал с радостным неистовством вскапывать мягкий, жирный чернозём...

В город он вернулся в половине четвёртого. Завернул в первую попуганную аптеку и купил там всё, что написал доктор, затем поехал к отцу.

В больнице его вновь обьяла иллюзия какого-то другого мира, находиться в котором было неприятно — от него веяло чем-то затхлым и безжизненным. Бредущие по коридорам больные и их разговоры действовали угнетающе.

В палате мало что изменилось, только в этот раз под капельницей лежал измождённый мужик. Старики живо обсуждали последние политические новости, а отец молча слушал, скосив в их сторону глаза.

— Добрый день, — поздоровался со всеми Вадим, чувствуя странную симпатию к этим незнакомым людям. Да и себя он уже не считал здесь посторонним, будто начал привыкать к такому положению вещей.

Отец улыбнулся одними уголками губ и слабо пожал ему руку.

— Вот, привёз тебе книги, как просил. Ещё шприцы и лекарства. — Вадим положил пакет на тумбочку и присел возле койки на табурет. — Как ты?

— Уже почти не болит. — Отец тяжело вздохнул, затем грустно улыбнулся. — Надо же... Казалось, здоровья ещё много. Похоже, сам себя довёл. Всё мысли какие-то одолевали. Про дом, и вообще...

— Ничего, отдохнёшь здесь пару недель. — Вадим старался говорить как можно беззаботнее. — Врача уже назначили?

— Да, обходила уже... Беликова...

Ладно, решил Вадим, надо будет купить этой Беликовой шампанское и конфеты. Да и медсестре бы не мешало заплатить на всякий случай. Ведь все об этом говорят.

Он прислушался к разговору стариков. Те отводили душу, ругая президента и всех вместе взятых российских олигархов, вспоминали советскую власть и Сталина. Неожиданно подумалось, что в их компании никто никогда почему-то не обсуждает такие темы. Неужели их ничего не волнует, кро-

ме собственной выгоды и личных интересов? Или это зависит от возраста? У стариков — одни проблемы, у молодых — другие, свои...

— Кормят хоть хорошо?

— Нормально, как положено. — Отец похлопал ладонью себя по животу. — Супы, каши, компот с печеньем...

— Ну, так жить можно, — с наигранным весельем произнёс Вадим. — Тогда я спокоен. Кстати, огород докопал, так что об этом не думай.

Отец кивнул и закрыл глаза.

— Ладно, бать, пойду я. Хочу дома стирку устроить, а то накопилось.

В ванной действительно уже несколько дней лежал ворох грязной одежды и постельного белья, до которого всё не доходили руки. Но сейчас появилась решимость всё это сунуть в стиральную машину.

— Иди, конечно. За меня не волнуйся. — Отец, кажется, хотел сказать что-то ещё, но лишь махнул рукой. — Иди...

Квартира встретила его угрюмой тишиной, словно обижалась на отсутствие хозяина. Вадиму даже почудилось, будто он слышит её обиженное сопение.

Убрав в холодильник купленные по пути продукты, он открыл балкон, чтобы выветрить запах спёртости, а заодно развеять ощущение замкнутого пространства. Похоже, сказывалось пребывание на деревенском просторе.

Включил электрический чайник и стоящий на холодильнике маленький телевизор. В квартире сразу возникло приятное оживление, а мысли в голове приобрели более спокойное течение.

— Ну вот, так уже лучше. — Вадим присел на край кухонного диванчика и рассеянно защёлкал кнопками пульта, просматривая телеканалы.

Остановился на местных новостях, решив послушать губернатора. Тот красочно описывал будущее области и рапортовал о достижениях.

— Особое внимание мы уделяем развитию аграрного сектора, поскольку наша область всегда была лидером в этом направлении, — увлечённо говорил губернатор. — Мы воздвигли два новых свинокомплекса на сто тысяч голов каждый и пять новых птицеферм, где применяются передовые технологии. Помимо этого планируется дальнейшее расширение сельскохозяйственного производства. Мы заинтересованы в привлечении крупных инвесторов для наших проектов, которые дадут сотни новых рабочих мест и обеспечат не только область, но и всё Черноземье курятиной, гусятиной и мясом индейки. — Волевым лицом губернатора не вызывало никаких сомнений в благородстве его помыслов и успешной реализации планов. — Как сказал президент, основной нашей задачей является поддержка и возрождение русской деревни, и мы эту задачу выполняем...

В этот момент кадр сменился, и вместо главы области камера показала стройные ряды двухэтажных коттеджей.

— Вот в таких домах, — говорил невидимый комментатор, — будут жить в ближайшем будущем труженики агропромышленных комплексов. Это не сказка, а уже сегодняшняя реальность...

Вадиму стало обидно за родную Ивановку, оставшуюся в стороне от этих перемен и новостроек. Не повезло ей, как и многим другим деревням, и ничего здесь уже не поделаешь.

Чайник закипел и отключился. Вадим налил полную чашку воды и долго размешивал в ней растворимый кофе и сахар. Подул, сделал маленький глоток, затем вышел на балкон и поставил чашку на перила.

Вид играющих во дворе детей вновь всколыхнул в памяти чудесное время, когда он сам был пацаном. Вспомнились с волнующей отчётливостью игры с приятелями в *войнушку* и в *индейцев*, походы в лес с ночёвкой и уборка картошки с колхозного поля каждую осень. Захотелось хоть ненадолго вернуться в своё ушедшее детство, чтобы опять слушать перед сном рассказы отца про былинных богатырей, ходить с ним на рыбалку и ездить в город по выходным — покататься в парке на каруселях и *чёртовом колесе*.

Вадим почувствовал, что готов сейчас отдать многое за то, чтобы оказаться в том далёком, радостном мире детства, в котором всегда был рядом большой и сильный отец, знающий ответы на множество всяких вопросов...

Он ощутил лёгкий голод и соорудил себе пару бутербродов. Перекусил и пошёл в зал, где находился другой — большой и плоский — телевизор, покупкой которого Вадим гордился. Но сейчас эта гордость тоже показалась ему смешной и глупой.

Наконец, он понял, что сегодня до грязного барахла так и не доберётся: едва прилёт на диван, как тут же навалилась усталость, и он погрузился в приятную расслабленность. «Похоже, перетрудился на огороде», — это была последняя мысль перед тем, как сон поглотил весь окружающий мир...

Снился ему дом. Пустой и тихий, он замер в ожидании какого-то важного решения Вадима, он был похож на брошенного всеми, одинокого и немощного старика, ещё надеющегося, что дети и внуки вспомнят и придут за ним.

Вадим каким-то шестым чувством улавливал, что дом давно соскучился по детскому смеху и суете домочадцев, по ароматному запаху пирожков с вишней и ливером, по каждому звуку, означающему, что дом наполнен жизнью и семейной радостью. А ещё от дома исходило смешанное со страхом предчувствие близкого трагического конца.

А потом Вадим увидел себя маленьким. Он стоял на крыльце и смотрел, как отец мастерит скворечник, рассказывая о том, что скоро из южных стран вернутся скворцы, и им нужно будет где-то жить.

— Запомни, Вадька, — говорил отец, распиливая доски, — у каждого живого существа, будь то человек или зверь лесной, должен быть свой дом. Потому что без дома нельзя...

Утром он долго не вставал с постели, наслаждаясь покоем и привычными звуками города, проникающими в квартиру через открытую балконную дверь. Эти звуки вернули Вадима в *рабочее* состояние: он вновь был готов к наступлению на жизнь и жаждал действия. Свои трудовые подвиги он решил начать со стирки.

Пока работала машинка, почистил и пожарил себе пару картофелин, разбив в них одно яйцо из тех, что дала в дорогу мать. Ел прямо со сковородки, чтоб не пачкать тарелку, и старался ни о чём не думать, уже злясь на себя за проявление сентиментальности.

В самом деле, не пересезать же ему обратно в деревню? Это ведь просто глупо! Здесь, в городе, у него есть всё необходимое для полноценной жизни: хорошая работа, друзья и знакомые, возможности разнообразного досуга. Да и вообще... город есть город! А что делать в Ивановке, где нет ни заработка, ни даже самого примитивного клуба?

Всё это было понятно и логично, но в душе возникло неприятное чувство и собственной вины в том, что Ивановка постепенно умирала. Как ни крути, а получалось, что и он приложил руку к тому, что его родная деревня умирала. Ведь уехал же, предпочёл городской комфорт суровому деревенскому быту. А главное — задался такой целью ещё в школе, мечтая выбиться в люди и превзойти отца. Да ведь и не он один такой. К примеру, среди его знакомых и сотрудников компании немало деревенских. И Полина тоже деревенская, сама ему рассказывала, только стеснялась упоминать об этом при чужих.

Все подались в город “за счастливым будущим”, а кое-кто сумел даже и в Москве зацепиться. Кто ж виноват, что только в городе у молодых есть перспектива карьерного роста и другие возможности? Уж не они, это точно. Если бы власти хоть немного помогали деревне по-человечески жить! Так нет же, почему-то не находится у них на это денег, словно деревня в своей страхе стала совсем лишней и мешает общему развитию. А ведь, пожалуй, любой человек будет рад всегда здоровой деревенской пище, не отравленной никакой современной химией.

— Вот и получается непонятный феномен, — бормотал вслух Вадим, соскабливая со дна сковородки пригоревшую картошку. — Сами же отрекаемся от всего, что нас радует. И почему так?

Он захотел вдруг поделиться своими мыслями с Полиной, услышать её голос, надеясь на её понимание и согласие.

Она ответила не сразу, наверное, вышла в подсобку или на улицу, подалее от чужих ушей.

— Привет. Что это ты позвонил?

Странно, но Вадим не обиделся на эту насмешку девушки. Если раньше он бы обязательно ответил ей чем-нибудь таким же едким, то сейчас просто подумал, что Полина права.

— Соскучился, вот и позвонил.

— Даже так? — В её голосе просквозило удивление.

— А что, это плохо?

— Да нет, хорошо.

— Что сейчас делаешь? — Он чувствовал непривычный сумбур в голове и никак не мог сосредоточиться.

— Начала рабочий день. А ты?

— Пытаюсь думать.

— О чём? — после паузы спросила Полина.

— О тебе... и обо мне. О нас.

— Надо же. — Она саркастически хмыкнула. — И как, получается?

— Пока не пойму. Слушай... — Вадима пронзила догадка, как можно ещё попробовать что-то изменить, задеть в душе Полины те струнки, которые разбудят в ней добрые чувства. — А ты в своей деревне давно была?

— А при чём здесь деревня? — не поняла она.

— Ну, ты же деревенская. Сама ведь говорила.

— Ну, да. И что?

— Как что? — Он вспыллil. — Когда ты там была последний раз?

— Давно... Как уехала оттуда в семь лет, так больше и не была. Да у меня там и нет никого уже. Дед там похоронен, на старом кладбище, а бабуля жила с нами в городе, а потом тоже умерла.

— И что, неужели не тянет туда совсем? — Вадим помрачнел, чувствуя досаду и раздражение из-за того, что Полина так спокойно рассказывала об этом.

— Ну... вообще-то иногда хочется съездить и просто глянуть, что там сейчас, — призналась она.

— И что мешает?

— Да что ты пристал, как следователь на допросе? — Она тоже повысила голос. — Тебе-то какое дело?

— Как это — какое? — Вадим нервно расхаживал по комнате. — Мне важно всё, что касается тебя.

— Мне работать надо! — выкрикнула Полина. — Не трать деньги зря.

— Да что ты всё про деньги? Я тебе о другом... — Он вдруг понял, к чему вёл весь этот разговор. — Слушай, а давай поедem туда? Поглядим на твою деревню.

— Ты нормальный вообще? — её голос стал срываться на истерику. — Я же работаю.

— Ну, отпросись. — Вадим чувствовал, что уже не может остановиться. В его душе словно что-то закипело и теперь само вышлёскивалось наружу.

— У нас босс строгий, — неожиданно мягко сказала она, — так просто не отпустит.

— А ты соври что-нибудь. Скажи, дома проблемы. Потоп или ещё что... Придумай сама!

— Да что на тебя нашло? Что, прямо сейчас и поедem?

— Ну, а что? Прямо сейчас! Машина есть, сядем и поедem. — Он и в самом деле настроен был ехать прямо сейчас, без всяких проволочек. — Ты ведь говорила, что это недалеко.

— Ты ненормальный...

— Да, ненормальный! — Вадим действительно испытывал что-то похожее на умопомрачение. В голове теперь пульсировала одна только мысль: если Полина не согласится на его авантюру, то их отношениям придёт конец. Он уже не сможет относиться к ней так же, как раньше. Что-то необратимо изменилось в нём.

— Хорошо, я попробую, — сдалась она после долгой паузы. — Позже сама перезвоню...

Ещё несколько минут он не мог успокоиться, переполненный противоречивыми чувствами. Одновременно торжество и сомнения одолевали его. Но всё это было не так важно, потому что исчезло главное опасение, овладевавшее им в последнее время. Вадим теперь твёрдо знал, что нужен Полине...

— Вон указатель! — Полина заметно разволновалась. — Грачёвка. Здесь был поворот.

Вадим притормозил и свернул за указателем с автотрассы на просёлочную дорогу, которая вела через поле к темнеющим вдали деревьям. Судя по свежей, ещё не затопленной грязью колес, дорогой недавно пользовались, а значит, жизнь в Грачёвке не обрывалась.

— А раньше тут всегда кукуруза росла. — Полина с грустью смотрела на поросшую свежей травой, явно несколько лет не паханную землю. — Боже мой, я тут почти двадцать лет не была. Могу и не узнать ничего.

Вадим молчал, стараясь не застрять в майской грязи. Он тоже испытывал непонятное волнение, как будто ехал сейчас не в чужую, а в свою родную деревню.

За искусственной лесополосой, с трёх сторон охватившей заброшенное поле, показались строения. Кое-где над крышами вились сиротливые дымки, обозначая жилые дома. Возле второго от ближнего края дома стояли мужик с лопатой в руках и тётка, удивлённо глядевшие на приближающуюся машину.

— Остановись, я дорогу уточню, — попросила Полина.

Вадим остановился напротив местных, и девушка вышла. В бирюзовых джинсах и в чёрной шерстяной кофточке она выглядела не менее привлекательно, чем в рабочей форме.

— Добрый день, — поздоровалась Полина.

— Добрый, добрый, — ответила тётка, приветливо улыбаясь.

Мужик тоже сдержанно поздоровался, не выпуская из рук лопаты.

— Не подскажите, как в Журавлинку проехать?

— Там же не живёт никто, — ещё больше удивилась тётка.

— Совсем никто? — Полина растерянно взглянула на сидевшего в машине Вадима.

— Почти. Старик один живёт да старуха с дочкой. А вы что, ищите кого?

— Да я родилась там, — пояснила Полина. — Хочу вот на свой дом глянуть.

— Дело хорошее. — Мужик одобрительно покивал. — Да вы по этой дороге до конца деревни и ехайте, а на развилке сверните вправо. Оттуда до вашей Журавлинки не больше километра будет.

— А старик-то давно там живёт. — Тётка поправила на голове пёстрый платок. — Он должен всех помнить.

— Спасибо большое. — Полина повеселела. — А в Грачёвке много людей осталось?

— Да с полдеревни ещё есть, но уезжают потихоньку... да и помирают. — Мужик засопел. — Мы вот с Натальей тоже скоро в город переберёмся. Сын квартиру купил.

— А этот дом как дача останется, — добавила тётка. — Десять соток. Жалко совсем бросать.

— Власти грозятся свет обрезать. — Мужик нахмурился. — Говорят, мол, невыгодно на одну деревеньку отдельную линию содержать. Средств нет.

— Как на одну? — удивилась в свою очередь Полина. — А как же Блажиха и Калачёвка? Там что, тоже никто не живёт? Ещё эта... как её...

— Кузьминка, что ль? — Тётка Наталья махнула перед собой руками. — Их всех давно уже пообрезали. Там тоже никого почти не осталось.

Вадим, слушавший разговор из машины, вспомнил вечерний репортаж о новых фермах и коттеджах. Как же так, думал он, где-то строят новые посёлки, а старые деревни погибают. Ерунда какая-то получается.

— Скоро, видно, совсем деревни исчезнут. — Мужик со злостью воткнул в землю лопату и сжал черенок мозолистыми руками. — Не нужны они этой власти... да и мы тоже. — Он понурился.

Чёрной безнадежностью повеяло от его слов и одновременно смирением с неизбежным.

— Говорят ведь, что надо деревню развивать, — неуверенно возразила Полина.

— Да они только и делают что говорят. — Мужик в сердцах ругнулся. — А что на деле? Школы и больницы в сёлах закрывают. — Он покачал головой. — Не пойму я их политику. В чём смысл?..

— Извините, поедем мы. — Полине явно уже не нравился этот разговор. — Ещё раз спасибо.

— Всего вам доброго, — улыбнулась на прощанье тётка Наталья...

Машина медленно покатила по единственной в деревне улице. Откуда-то выскочили две дворняги и побежали следом, заливаясь таким отчаянно радостным лаем, словно им давно не выпадал случай облаять чужого.

От развилки пошла малоприметная, почти заросшая травой дорога. Похоже, машины по ней не ездили несколько лет.

— Какое странное чувство, — задумчиво сказала Полина. — Как будто я в детство возвращаюсь.

Они съехали в небольшой распадок, по дну которого, перегораживая дорогу, струились ручей. Размытая им канавка не позволяла проехать.

— Приехали. — Вадим остановил машину. — Что, дальше пешком?

— Вообще-то раньше здесь был мостик, — растерялась девушка. — Наверно, сгнил.

— Значит, пешком...

Они вышли из "Рено", и Вадим включил сигнализацию. Перепрыгнув ручей, он протянул Полине руку.

— Держись и прыгай.

Она послушалась и оказалась рядом с ним. От близости девушки у Вадима участился пульс. Захотелось прижать Полину к себе, поцеловать её и замереть так, но он сдержал внезапное желание и, вздохнув, зашагал по более-менее свежей тропинке, идущей вдоль дороги.

Минут через десять впереди, между кронами деревьев, показалась серая черепичная крыша, обозначив деревенскую окраину.

— Вот она, Журавлинка. — Полина ускорила шаг. — Пойдём, нам почти в конец.

Они прошли первый дом, а за ним ещё два. Окна всех домов были наглухо заколочены. Однако из калитки следующего дома неожиданно вышла женщина и замерла, увидев посторонних.

— Здравствуйте! — крикнула ей Полина.

Закрыв за собой калитку, женщина подошла к ним.

— Добрый день. — Она с беспокойством вглядывалась в их лица, словно ожидала чего-то нехорошего.

— Я здесь когда-то жила, — пояснила Полина. — Дом Котенёвых знаете?

— Извините, я не так давно тут. — Женщина виновато улыбнулась. — Мама моя должна знать, только она почти не выходит из дома. Старая совсем.

— А как вы тут живёте? — не выдержал Вадим. — Здесь же, говорят, ни газа, ни света нет.

— Да привыкли уже как-то. — Женщина пожала плечами. — По вечерам керосинку палим. Ничего, жить можно.

— А зимой? — продолжал допытываться Вадим. — Дрова-то где берёте?

— Слава богу, из райцентра привозят. Дорого, правда. Приходится экономить. — Женщина вздохнула. — А что делать? И уехать не можем. Некуда...

— А ещё здесь кто-нибудь есть, кроме вас? — спросила Полина.

— Дед Митяй ещё живёт. Один совсем. Вроде и дети где-то у него есть, только давно не навещались. — Она махнула рукой. — Ой, мне идти надо.

— Конечно. Извините. — Полина схватила Вадима за руку и потянула за собой.

Они миновали ещё несколько домов, и по пути девушка рассказывала, в каком из них кто жил. Правда, не всех она могла вспомнить.

— А твой-то где? — Вадим разглядывал заброшенные дома и испытывал что-то вроде мистического трепета. Ему начало казаться, будто они идут по заколдованной деревне, населённой призраками, и останутся здесь навсегда, никогда не смогут выйти обратно к машине.

— Мой там, за поворотом. — Полина кивком указала вперёд.

— А почему деревня называлась Журавлинкой?

— Старики рассказывали, что когда-то давно здесь жили журавли.

— Ясно...

Тропинка повернула влево. Вадим заметил, что садовые деревья во дворах совсем не цвели. Либо из них забирали жизненную силу сорняки, ставшие в этих садах полноправными хозяевами, либо сами яблони, вишни и сливы не хотели цвести и плодоносить, обидевшись на бросивших их людей. Пару раз Вадиму случайно попадались научно-популярные журналы со статьями про растения, и от этих статей буквально шла кругом голова. Там было написано, что все деревья, кусты и цветы являются сложными организмами, имеющими гормональную систему, через которую они способны чувствовать боль, тепло и холод, а также передавать друг другу сигналы опасности. А некоторые растения, говорилось в статье, умеют даже обманывать насекомых и мелких животных, питающихся их листвой, выделяя специфические запахи и соки. И если всё это правда, то почему бы не допустить, что деревья испытывают разные чувства: обиду, гнев, радость?..

— Пришли. — Полина остановилась. — Вот он. — Она с нежностью смотрела на дом, спрятавшийся от постороннего взгляда в листве диких слив и не желающих цвести яблонь.

Краска на заборе и воротах выпцвела и почти полностью облезла, так что цвет их невозможно было определить — то ли голубой, то ли светло-зелёный. Стёкол в окнах не осталось, и пустые проёмы зияли, словно тёмные провалы в параллельный мир. Штукатурка ключьями свисала со стен, словно кожа прокажённого, местами обнажая кирпичную кладку. Только состояние крыши нельзя было определить из-за сильно оплётших её ветвей.

Вадим ощутил, как к горлу подкатил комок: зрелище было удручающим. Он представил себе родительский дом в Ивановке, который, возможно, станет таким же лет через пятнадцать-двадцать. Ведь родители не вечны, а сам он постоянно там жить не собирается... По крайней мере, пока не собирается...

“Похоже, ждёт Ивановку та же участь, что постигла эту деревню, да и многие другие по всей России. Станет на Руси ещё одной деревней-призраком больше. Неужели правду сказал мужик с лопатой, и все деревни исчезнут? Да как же так? Ведь надо что-то делать! Нельзя допустить этого!..”

Заныло в груди от столь тягостных размышлений. Вадим взглянул на Полину и поразился происшедшей с ней перемене. Он ни разу ещё не видел на её лице такой безмерной печали, отражавшей сильное душевное страдание. Ему почему-то казалось, что эта девушка не способна на проявление таких сильных чувств. Выходит, он ошибался.

— Давай зайдём, — тихо сказала Полина.

Она подошла к калитке и дёрнула за деревянную ручку. Калитка, издавая жалобный скрип, отворилась и пропустила долгожданных гостей во двор. Раздвигая руками свисающие почти до земли ветви, Полина пробралась к двери дома, забитой большими гвоздями, и беспомощно оглянулась.

— Давай через окно, — подсказал Вадим, входя во двор.

Он заглянул в оконный проём, приходившийся ему на уровне груди, затем, придерживаясь руками за раму, перелез внутрь дома. Помог проделать то же и Полине, и она оказалась рядом с ним в полумраке небольшой комнаты.

Из всей былой мебели в комнате остался только сервант — без стёкол и с оторванными дверцами.

— Здесь у нас был зал, — припомнила девушка. — Тогда он казался мне большим.

Она прошла по шатающимся доскам пола в соседнюю комнату, которая была ещё меньше. Мебели здесь вообще не было.

— А это моя спальня. — Полина с грустной улыбкой рассеянно смотрела в пол. Может быть, она видела сейчас маленькую девочку Полинку, играющую в куклы.

Пройдя дальше по коридору, Вадим оказался в довольно просторной кухне, в углу которой возвышалась массивная русская печь. Рядом с печью валялись на полу ухват, сковородник и кочерга.

— Я любила спать на печи... — Полина подошла к печке и провела руками по краю полатей. — Особенно зимой. Помню, приду с мороза, залезу сюда и под одеяло... Печка была такая тёплая...

Она закрыла глаза, не убирая рук, будто чувствовала сейчас идущее от печи тепло.

В дальнем конце кухни стоял хорошо сохранившийся стол с двумя дверцами. Это был точно такой же стол, как в доме родителей Вадима. Осторожно наступая на прогнившие доски, он приблизился к нему и открыл обе дверцы. Внутри вместо посуды он обнаружил большую пластмассовую куклу без одежды.

— Твоя? — Он вытащил куклу, неожиданно промяукавшую: “Мм-а-мма”.

— Ой, Танька! — девушка бросилась к Вадиму и выхватила куклу у него из рук. — Надо же, меня дожидалась! — Она прижала Таньку к груди и стала качать её, как ребёнка.

Лицо Полины осветилось радостью, и Вадим поймал себя на том, что невольно любит её. Почему-то раньше он не замечал в ней этой изнутри струящейся красоты...

Вадим старался сосредоточиться на дороге. Рядом дремала Полина, по-прежнему прижимая к себе куклу Таньку. На лице девушки играла улыбка, ей снилось что-то хорошее.

Вадим подумал, что это обязательно должен быть родной дом, но только не пустой и унылый, а такой, как раньше, — полный людей и радости.

Впереди показался город. Там что-то было не так. Вадим несколько секунд растерянно моргал, вглядываясь в горизонт, затем сообразил, что его так смущает.

Небо над городом было почти чёрным, и лишь отдельные яркие вспышки прорезали эту черноту. На город надвигалась гроза — первая в этом году...